

О. И. КАРПУХИН,
доктор социологических наук, профессор

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

1. Функция государства, его права и ответственность в области культуры в последние десятилетия привлекли беспрецедентное внимание мирового сообщества, международных организаций, национальных парламентов и правительств, наций. Документы, принятые конгрессом ООН в Рио-де-Жанейро, программа ООН «Всемирное десятилетие культуры» (1987—1997), ряд документов ЮНЕСКО, Совета Европы, принятых в 1970—1980-е годы, констатируют выводы о том, что:

— во-первых, никакие международные и национальные программы общественного развития не ведут к успеху, если не учитывают потребностей культурного развития народов и не включают в себя культурные аспекты;

— во-вторых, невозможны какие-либо единообразные, унифицированные мировые модели культурного развития, ибо они игнорируют культурную самобытность народов, угрожают их национально-культурной идентичности и по этой причине деформируются или осознанно отвергаются ими;

— в-третьих, сохранение и использование культурного наследия, создание условий для приобщения всех граждан к культурным ценностям и иной культурной деятельности и условий для свободной деятельности “творческих работников” является такой же областью ответственности любого государства, как и обеспечение достойных условий жизни, здравоохранение, сохранение природной среды, национальная безопасность.

Проблема функции государства в области культуры в середине 1980-х годов актуализировалась и в нашей стране. Однако главным содержанием острой дискуссии об отношениях государства и культуры стали вопросы об ограничении роли и прав государства в области культуры, деэтизации этой сферы, а также деидеологизации культурной политики государства. (Кстати, лишь в 1987 году впервые в официальных документах КПСС и государства появилось само понятие “культурная политика”, хотя в международных документах и научной литературе, в том числе отечественной, оно имеет давнее хождение и научное обоснование.)

Под воздействием общественного мнения, формировавшегося, главным образом, “верхним” слоем политизированной интеллигенции, к концу 1980-х годов реформирование отношений культуры и государства трансформировалось в бегство государства из сферы культуры, что, в конечном счете, привело, образно говоря, и к бегству самой культуры из страны: резкому снижению творческой и просветительской деятельности, сокращению сети учреждений и организаций культуры, снижению культурной активности населения, агрессии так называемой массовой культуры. Необходимые и многообещающие процессы изменения прав и обязанностей государства в области культуры, разгосударствления некоторых ее институтов, демократизации культурной жизни общества осуществлялись стихийно и безоглядно. “Новая культурная политика” фактически породила новую “культурную революцию”.

Расковав инициативу и энергию, эта “культурная революция” породила множество новых субъектов культурной политики, которые стали альтернативой государственным структурам; децентрализовала деятельность государства в области культуры, значительно расширив возможность региональных и местных властей, а также самих государственных учреждений и организаций культуры; потеснила административные методы управления в области культуры и, напротив, расширила возможности методов законодательных и экономических.

Вместе с тем, деидеологизация культурной политики государства приняла гипертрофированные формы и привела, во-первых, к ее неоидеологизации в таких противоречивых проявлениях последней, как антикоммунизм, западничество, национализм и т. д.; во-вторых, к утрате целостности культуры, ее фрагментации и снижению интегрирующей роли, функции самоидентификации нации и составляющих ее народов и этнических групп. Стихийное вторжение рыночных отношений в область культуры породило едва ли не тотальную коммерциализацию культурной деятельности, сводящую культурные ценности к их стоимостным выражениям, а культурную деятельность к отношениям купли-продажи. Оказались разрушенными или ослабленными до опасных пределов целые отрасли культуры — кинематография и кинофикация, реставрация и охрана памятников истории и культуры, книгоиздание, библиотечное дело и другие. Резко — до уровня лет Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — снизилась доступность культурных ценностей для народа, особенно на селе, в рабочих поселках, в районах Крайнего Севера и других. Распались или предельно сузились культурные связи России с другими бывшими советскими республиками, со странами дальнего зарубежья. Наша культура утрачивает мировой авторитет и влияние на мировые процессы.

Формирование новой культурной политики нашего государства — это процесс. Он протекает бурно и противоречиво, вектор культурной политики неустойчив, и можно утверждать, что, в сущности, он еще не определился. В этих условиях особенно необходимы научная рефлексия

складывающихся отношений государства и культуры, теоретическое осмысление и учреждение этих отношений. Это стало одной из задач нашего исследования, где мы пытаемся обосновать вывод о том, что дефицит теоретического знания определяет многие неудачи в осуществлении культурной политики и культурного строительства.

2. Предметом нашего исследования стал механизм управления формированием и реализацией культурной политики государства. В связи с этим перед нами встала задача определения смысла и содержания управления сферой культуры.

В последние годы в общественном сознании сложилось представление, что сфера культуры не поддается управлению. В действительности же мы имеем дело не с неуправляемостью культурной деятельностью и культурным развитием по самой их природе, а со спецификой управления ими. Наши выводы заключаются в том, что этой природе не противоречит прямое управление собственно творческим процессом создания культурных ценностей и процессом их освоения личностью. Необходимо и возможно управляющее воздействие государства и общества на звено культурного процесса, которое опосредует производство и потребление. Таким звеном является распространение культурных ценностей (тиражирование, трансляция, сеть учреждений культуры и так далее). Изменение политики в этом звене, в конечном счете, оказывает влияние, говоря экономическим языком, на спрос и предложение, стимулирует и дестимулирует создание и освоение культурных ценностей. (Разумеется, речь идет о суммирующем эффекте, о тенденциях, а не об индивидуальной деятельности творца или читателя, зрителя и т. п.). Государство и другие субъекты культурной политики способны также «управлять культурой» посредством управления социальными условиями культурной деятельности как для производителя культурных ценностей, так и для их потребителей. Такие условия дифференцируются нами на прямые и опосредованные. К первой группе относятся, к примеру, материальные условия деятельности, свобода творчества, моральные стимулы. Опосредованные условия — это уровень образованности общества, содержательность труда, бюджеты времени населения, развития средств коммуникации, содержание и характер научно-технического прогресса, политических процессов и т. д.

Таким образом, понимая управление как сознательную деятельность институтов по регулированию субъектно-объектных отношений во всем их многообразии для достижения определенных социальных целей, мы видим специфичность управления культурными процессами в том, что внимание сосредоточивается на конкретных механизмах регуляции социокультурной деятельности в соответствии с нормами и принципами, целями и задачами культурной политики как таковой.

Культурная политика как вид социального управления представляет собой деятельность субъектов управления по определению и реализации направлений и способов регулирования финансовых, правовых, социокультурных, организационно-управленческих и иных процессов функционирования и развития культурной сферы государства в соответствии со стратегически значимыми, универсальными для данной политической системы ценностными ориентациями (идеологическими, политическими, духовно-нравственными, эстетическими и другими).

Такая политика призвана обеспечить законодательно фиксированную ответственность государства за охрану культурно-исторического наследия и создание условий для культурной деятельности и вместе с тем самоограничение проявлений государства в области творчества и распространения культурных ценностей, деятельности негосударственных организаций культуры.

3. Одна из основных проблем современной культурной политики государства — сохранение самобытности национального развития отечественной культуры. Существует извечная диалектика общечеловеческого и национально-самобытного: одно реализуется через другое, через взаимодополняемость и сложное взаимодействие. «Русский путь» в сфере культуры — это так же естественно и нормально, как и французский или германский. Вместе с тем, любая самобытность культуры являет собой некое ядро, инвариант общечеловеческой культуры. Поэтому стирание национальной самобытности в культуре того или иного народа неизбежно приводит к невосполнимой утрате для всей мировой культуры в целом. Таким образом, культура должна иметь возможность для проявлений своей национальной самобытности и в то же время быть открытой

для влияния других культур. Проблема этого соотношения является, на наш взгляд, и управленческой проблемой. Один из ее аспектов — проблема регионализма.

Мы выдвигаем ряд теоретических положений культурного регионализма. Назовем некоторые из них. Диалектика централизма и регионализма — это аспекты проявления общего, особенного и исключительного в отечественной культуре. Для России учет этих аспектов социокультурного развития важен в связи с ее этническим и соответственно культурным многообразием. Можно спорить о содержании таких понятий, как “евразийская цивилизация” или так называемая “православная цивилизация”, но, несомненно, культурное многообразие России в течение ряда веков интегрировано в ее целостную культуру.

Расширение прав и возможностей регионов (республик, краев, областей) создает существенные предпосылки для обогащения культурных процессов, но вместе с тем возникают предпосылки и для культурной автономизации России. Один из выводов нашего исследования заключается в необходимости разных темпов культурных изменений в регионах России, более гибких подходов в организации отношений центра и регионов. К примеру, не надо пугаться, что некоторые процессы демократизации идут в одних регионах быстрее, в других — медленнее. В связи с этим, нами сформулированы понятия культурного федерализма и нового культурного регионализма.

Культурный федерализм возникает как эффект уравнивания культурного экспансионизма, культурного изоляционизма и утраты культурной идентичности различных этнических, конфессионально-этнических и других общностей. Качественными критериями такого эффекта являются долгосрочные, то есть устойчивые, векторы соотношения как указанных компонентов культурного федерализма, так и воздействующих на них факторов: нормативных актов, системы финансирования, экономических, культурных и прочих связей.

Выдвигаемая нами концепция нового регионализма в рамках формируемого культурного федерализма является, по существу, спецификой культурной политики государства, в основе которой — учет ценностей разнообразия жизни местных национально-культурных автономий, этнокультурных групп, локальных сообществ, которые противостоят утилитарно-технократическому представлению о регионе как источнике ресурсов и объекта авторитарно-центристской модели управления “сверху”.

4. Вводя понятие социокультурного менеджмента как инструмента культурной политики государства, переходящего к рыночной экономике, мы стремились, с одной стороны, соблюсти терминологическую совместимость с мировой практикой, с другой — обосновать систему ограничений на использование коммерческих механизмов “рыночной саморегуляции” в области культуры, тезис о недопустимости подхода к культуре как заурядному предпринимательству.

Способы и приемы менеджмента как технологии управления, осуществляемого в условиях рынка, могут быть весьма полезны, если они переносятся на область культуры не механистически и учитывают ее специфику.

Экономический подход к культуре предполагает, прежде всего, расширение процессов ее демократизации: получает право голоса так называемый потребитель культурных благ и услуг. Но если не учесть специфику культуры в ее самых различных проявлениях, особенно в проявлениях так называемой высокой культуры, и следовать только голосу потребителя, то есть интересам прибыли, то неизбежно получается обратный результат. Налицо окажется ненормативный, если угодно, тоталитарный подход к культуре в форме диктата малокультурной среды. Современная социокультурная ситуация выявляет актуальность применения таких моделей менеджмента, в которых прежде всего предусматривается система мер по учету и развитию национально-культурных традиций, аутентичности их проявлений, формированию у потребителя культурных благ и услуг ценностных ориентаций, основанных на вышеназванных традициях. Этим требованиям в полной мере соответствуют выдвигаемые нами культурно-экологические модели менеджмента. Однако их применение в России не дает должного эффекта из-за отсутствия необходимой системы государственного патернализма в области культуры. Вследствие этого характер взаимодействия как коммерческих, так и некоммерческих

структур культуры со всеми сферами “внешнего окружения” в условиях современной социокультурной ситуации носит преимущественно отрицательную направленность.

Актуальная разработка мер по преодолению такой направленности — законодательные и иные нормативные акты, переквалификация кадров и их подготовка по новым специальностям, изменения в управленческих структурах, организационные меры.